

А.С. ЛАВРОВ

Регентство царевны Софьи Алексеевны

*<...> Подавление восстания и установление регентства.
Регентство царевны Софьи Алексеевны*

Одним из основных источников, раскрывающих политико-правовые основы регентства царевны Софьи Алексеевны, является «Акт об избрании на Российский престол Петра I и о совместном правлении с царевною Софьей Алексеевной». ¹ Акт должен был заменить составленные ранее соборные приговоры об избрании на царство Петра Алексеевича и Ивана Алексеевича. ² «Акт...» открывается рассказом о событиях 27 апреля 1682 г., когда Иван, в ответ на просьбу патриарха Иоакима и служилых людей всех чинов занять опустевший престол Российского государства, заявил, что это «пристойно» его брату Петру, «потому что у него, государя, здравствует мать» - царица Наталья Кирилловна. В итоге Иван «поступился» престолом своему младшему брату. Согласно новому челобитью, поданному царю Петру и царевичу Ивану 26 мая 1682 г., именно из-за этого «чинится Российского царствия в народах ныне распря». Для «всенародного умирения» братьев попросили самодержавствовать «общее», что и было утверждено в тот же день. Поскольку Петру только исполнилось 10 лет, а Ивану – 16, правление государством было вверено царевне Софье Алексеевне, а ее имя было внесено в царский титул. Именно по дате примерного заголовка указа с упоминанием царевны Софьи, приведенного в «Акте...» (29 мая 1682 г.), он и был датирован в публикации.

Обращаясь к «Акту...», историки преимущественно останавливали свое внимание на этой дате, которая в историографической традиции оказалась связанной с установлением регентства. Именно 29 мая, согласно С.М. Соловьеву, царевна Софья Алексеевна, «согласилась... принять правительство». ³

К 29 мая отнесли установление регентства царевны Софьи Алексеевны М.М. Богословский и С.К. Богоявленский, сославшись также на сообщение «Созерцания краткого...» Сильвестра Медведева (ка будет показано ниже, оно восходит к тому же первоисточнику, что и «Акт...»). С.К. Богоявленский отметил, что распоряжение об упоминании ее имени наравне с царскими именами «не выполнялось не только во время «хованщины», но и несколько месяцев позже, приблизительно до февраля 1683 г.» ⁴

В.И. Буганов, напротив, относит вручение правления царевне Софье Алексеевне к 23 или 26 мая 1682 г. В эти дни, согласно «Созерцанию краткому...», в Кремль приглашались представители стрелецких полков, сыгравшие определяющую роль в выборе правительницы. ⁵

Л.В. Черепнин, напротив, возвратился к первоначальной дате – 29 мая 1682 г. Историк считает «Акт...» «предвзятым» изложением событий. Тем не менее, на его основании Л.В. Черепнин продляет майский земский собор с 23 – 26 мая до 29 мая 1682 г. В свою очередь избрание царевны Софьи Алексеевны предопределило, согласно Л.В. Черепнину, необходимость «соборного» же ее осуждения в 1699 г. ⁶

Если все упомянутые историки пользовались публикацией «Акта...», то А.П. Богданов впервые обратился к архивному подлиннику. Исследователь отметил, что

¹ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 4. М., 1828 (1656 – 1696 гг.) № 147. С. 441 – 445; Полное собрание законов . Т. II. (1676 – 1688 гг.) СПб., 1830. № 920. С. 398 – 401.

² Восстание в Москве. № 204. С. 254 – 260.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13 – 14. М., 1962. С. 276.

⁴ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940; Богоявленский С.К. Хованщина // Исторические записки. Т. 10. М., 1941. С. 195.

⁵ Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 193.

⁶ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 366, 372.

документ был составлен не одновременно, а, по крайней мере, в два этапа. Согласно А.П. Богданову, источником «последней части второй (поздней) редакции акта» была записная книга Разрядного приказа, использованная в «Созерцании кратком...» Сильвестра Медведева. А.П. Богданов связывает появление тех источников с событиями лета 1686 г. Тем не менее, несмотря на эти источниковедческие разработки, историк утверждает, что 29 мая Софья Алексеевна все-таки получила «формальное право на власть».⁷

Обращение к рукописи показывает, что логически связный и последовательный текст, приведенный в публикации, состоит на самом деле из двух различных документов.⁸ При издании оказались опущенными как следы редакторской правки, так и целые абзацы, вычеркнутые при объединении обоих документов в одно единое целое.

Оба документа отличаются друг от друга даже **палеографически** – по почеркам и сортам бумаги <...>

Сопоставление текстов второго документа и «Созерцания краткого...» Сильвестра Медведева позволяет достаточно точно выявить протограф обоих текстов<...>

К сожалению, обнаружить саму записную разрядную книгу не удалось. Ее следы затерялись еще в 1760-х гг., когда, по запросу графа Н.И. Панина сотрудники Московского архива коллегии иностранных дел предприняли **исследование политико-правовых основ регентства царевны Софьи Алексеевны**. Цель была сугубо прагматической: предполагалось использовать предстоящую Уложенную комиссию 1767 г. как своего рода избирательный земский собор, который предоставил бы престол малолетнему Павлу I при регентстве Екатерины II. Наряду с другими подлинными документами, в Петербург 25 марта 1762 г. была выслана «записная книга под № 18...», в которой «упоминается...когда и каким образом царевна София Алексеевна вступила в правительство Российского государства».⁹ Судя по тому, что **в фонде Разрядного приказа** книгу с соответствующей записью обнаружить не удалось, на свое место она не вернулась.

Таким образом, запись в разрядной книге, к которой восходят и второй документ, и «Созерцание краткое...», можно лишь восстановить текстологическим путем. Реконструируемая запись носит на себе печать государственной идеологии периода регентства. На место патриарх Иоакима, который, согласно первому документу, сам-третий советовался с соправителями об учреждении регентства, приходит Боярская дума и челобитье «всего Московского государства всяких чинов всенародного множества людей» (л. 13). «По многом отрицании» царевна Софья Алексеевна «изволила правление восприяти», сообщив, что отныне будет слушать доклады о всяких государственных делах и заседать в Думе с боярами (л. 14). Вслед за этим сообщается, что «для совершенного с государственным правлении утверждения и во всяких делех постоянные крепости», Софья Алексеевна указала писать себя вместе с соправителями об учреждении регентства, приходит Боярская дума и челобитье «всего Московского государства всяких чинов всенародного множества людей» (л. 13). «По многом отрицании» царевна Софья Алексеевна «изволила правление восприяти», сообщив, что отныне будет слушать доклады о всяких государственных делах и заседать в Думе с боярами (л. 14). Вслед за этим сообщается, что «для совершенного в государственным правлении утверждения и во всяких делех постоянные крепости», Софья Алексеевна указала писать себя вместе с соправителями по следующему образцу: «190-го мая в 29 день великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич, всеа Великия и Малыя и Белья

⁷ Богданов А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого К лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся о гражданстве // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. ст. М., 1987. С. 128 – 129, 145. Прим. 46.

⁸ РГАДА. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп.1. № 89. 16 л. В дальнейшем ссылка делается только на листы.

⁹ Лермонтова Е.Д. Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам (из переписки, возбужденной графот Паниным) // Русская старина. 1912. Февраль. С. 433.

России самодержцы и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа Великия и Малыя и Белья России указали и бояря приговорили...» (л. 15).¹⁰

Составитель второго документа здесь явно опережает события, выдавая желаемое за действительное. На самом деле подобный титул появится в формуляре государственных актов значительно позже мая 1682 г.

Исследование, проведенное сотрудниками Московского архива Коллегии иностранных дел показало, что имя царевны Софьи Алексеевны появляется в царском титуле именных указов с 1686 г., что, казалось бы, подтверждает вывод А. П. Богданова. Однако в царских указах с боярским приговором царевна Софья Алексеевна упоминается еще с октября 1682 г. Так, к 24 октября 1682 г. относится помета о пожаловании подьячего Кондрата Никитина, выписку о котором слушали «великие государи и великая государыня царевна и великая княжна София Алексеевна... в своем государском Троецком походе в комнате» (то есть в Боярской думе). По другой помете, от 19 ноября 1682 г., об отписках российских послов и гонцов было «великим государям и сестре их благородной царевне известно и бояром чтено». Наконец, в указе от 18 декабря 1682 г. встречаем традиционную формулу участия Боярской думы в вынесенном решении: «Великие государи и сестра их великая государыня благоверная царевна... указали и бояре приговорили».¹¹ Напомним, в связи с этим, что в примерном заголовке царского указа, приведенном в «Акте...» под 29 мая 1682 г., также содержалось указание на «боярский приговор» «великия государи... и сестра их великая государыня благородная царевна и великая княжна София Алексеевна всеа Великия и Малыя и Белья России указали и бояре приговорили» (л. 15). Если вспомнить также, что, согласно второму документу, царевна Софья Алексеевна высказала пожелание участвовать в заседаниях Боярской думы, то мы получим еще одно основание для датировки второго документа осенью 1682 г. Таким образом, «Акт об избрании...» принял свой настоящий вид не раньше октября–декабря 1682 г. Тогда же появилась и дата — 29 мая 1682 г. — носящая ретроспективный характер и призванная связать установление регентства с деятельностью земского собора, избравшего на царство Ивана Алексеевича (26 мая 1682 г.).¹² Получается, что вручение правления *de jure* как бы опередило установление регентства *de facto*. Однако это лишь видимость. И сосредоточение реальной власти в руках царевны Софьи Алексеевны, и придание этой власти формального правового статуса стало возможным лишь после казни князей Хованских (17 сентября 1682 г.) и подавления стрелецкого восстания.

Связь этих двух событий единодушно отмечают и современники-иностранцы. «Смерть этого мятежника [кн. Хованского И. А. — А. Л.] произвела такое впечатление, на которое она [царевна Софья Алексеевна — А. Л.] и надеялась, ибо она добилась для себя регентства», — писал в «Записках о Московии» де ла Невилль.¹³ Еще более характерно свидетельство саксонца Георга-Адама Шлейссинга (или Шлейссингера), посетившего Москву в 1684 г. В своем сочинении, написанном в форме диалога, он вкладывает в уста одного из своих героев следующий вопрос: «Но как же царевна может участвовать в

¹⁰ После этого помещен один **сстав** из первого документа, завершающий вес столбец<...>

¹¹ Лермонтова Е.Д. Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам. С. 437. См. также: РГАДА. Ф. 2 (Дела, собственно до императорской фамилии относящиеся). №1. О титулах царей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны. 36 л.

¹² Это подтверждают и более ранние документы. К ним относится и отписка стольника князя Н.И. Приимкова-Ростовского, посланного в Киев для приведения к крестному целованию местных жителей 30 мая 1682 г., то есть на следующий день после мнимого «вручения правления» царевне Софье Алексеевне. В отписке, посланной в Москву 14 июня 1682 г., подробно отражено избрание на царство Ивана Алексеевича (26 мая 1689 г.), но не сказано ни слова о последовавшем за ним учреждении регентства (Донесение князя Приимкова-Ростовского царям Иоанну и Петру Алексеевичам в 1682 г. // Русский вестник. 1841. № 11 – 12. Т. 14. С. 433 – 440.

¹³ Де ла Невилль. Записки о Московии. С. 160.

управлении?» — «Этого я и сам не понимаю и не могу много об этом сказать», — отвечает другой.¹⁴ Неудивительно, что русские собеседники саксонца, так и не смогли сообщить ему ничего определенного о правовой основе власти регентства. Согласно древнерусской традиции, на время несовершеннолетия наследника престола управление государством передавалось в руки регентского совета из наиболее знатных и доверенных бояр. Зачаток подобного совета без труда можно увидеть в боярской комиссии, ведавшей Москву при князьях Хованских (см. о ней в разделе 1). После ее роспуска последний законный преемник власти был устранен. Последовавший за этим приход к власти царевны Софьи Алексеевны был беспрецедентен для политической истории Русского государства (если исключить правление Елены Глинской, пришедшей к власти после роспуска первой «семибоярщины»). Новым было не только то, что носителем верховной власти в государстве вопреки старомосковской традиции стала женщина, но и то, что власть регентского совета оказалась сосредоточена в руках одного лица.

*Правящие верхи Русского государства в 1682–1689 гг.
Боярская дума и борьба за власть*

<...>Подводя итоги, необходимо сказать, что значение Боярской думы в структуре власти Русского государства в 1682—1689 гг. было исключительно велико. Практически, это был «серебряный век» Думы, последнее боярское правление. Царская власть, трудами Алексея Михайловича ставшая в значительной мере независимой от влияния Боярской думы и опиравшаяся на не подчиненный ей **приказ Тайных дел**, ослабла при его преемниках — царе Федоре Алексеевиче и братьях-соправителях Петре и Иване. В условиях, когда на троне находились два недееспособных самодержца, как-то ограничить влияние Боярской думы могла лишь регентша — царевна Софья Алексеевна. Однако и само сосредоточение в ее руках власти было не в последнюю очередь связано с участием в думных заседаниях. Не случайно имя правительницы первоначально появляется в царском титуле в указах с боярским приговором. Кстати говоря, само отличие последних от именных указов стирается благодаря специфике законодательной практики регентства. Согласно свидетельству современника-иностранца, «царевна обдумывает все с магнатами, после чего решение публикуется... от имени обоих царей».¹⁵ Однако именно это «соцарствие», а вернее — «тройственное правление» — подготовило и позднее падение Боярской думы. Обстановка ожесточенной борьбы за власть, как это не раз бывало и ранее, широко открыли двери Думы перед незнатными служилыми людьми, поддержкой которых стремились заручиться обе придворные группировки. Этот приток «неродословных» служилых людей оказался фатальным для Думы, число членов которой уже при царе Федоре Алексеевиче перевалило за сто человек. Боярская дума, с одной стороны, становилась недееспособной в административном отношении, неспособной к повседневной работе. С другой стороны, в политическом отношении Дума оказывалась заинтересованной в сохранении существующего положения, в раздроблении высшей власти. Все это предопределило позицию наиболее влиятельных думных деятелей во время переворота 1689 г., не примкнувших ни к одной из сторон. Петр и его окружение не простили Боярской думе этой фронды; отсюда начинается неуклонное падение ее роли в государственных делах. Судьба Боярской думы как учреждения и боярской аристократии расходятся: первую ожидало постепенное вымирание; вторую — включение в формирующиеся структуры власти петровской России<...>

*Крымские походы и борьба за власть в верхах государства.
Правящие верхи Русского государства в 1682–1689 годы*

¹⁴ Шлейссингер Г.-А. Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 111.

<...>Конец 1687 — начало 1688 г. прошли в приготовлениях к новому походу в Крым. «Уже поговаривают о новых налогах с мещан и крестьян и о намерении будущей ранней весной предпринять поход на Крым; причем будет избран новый путь (пехота — по Днепру, конница — сухим путем)», — сообщил в донесении от 23 сентября 1687 г. шведский комиссар в Москве Христофор Кохен, — Князь Голицын поговаривает, будто опять примет участие в новом походе».¹⁶ В октябре 1688 г. было сделано официальное объявление о новом походе и назначены воеводы: в Московском разряде — боярин князь В. В. Голицын, боярин И. Ф. Волынский, окольный В. А. Змеев и думный дьяк Е. И. Украинцев, в Новгородском — боярин А. С. Шейн и стольник кн. Ф. Ю. Борятинский, в Севский разряд — окольный Л. Р. Неплюев и думный дворянин Г. И. Косагов, в Казанский разряд — окольный И. Ю. Леонтьев.¹⁷ Во многие полки были назначены иностранные офицеры, что вызвало, согласно донесению Кохена от 2 февраля 1688 г., недовольство патриарха Иоакима.¹⁸ Подробности последнего столкновения позволяет раскрыть Завещание патриарха Иоакима. Согласно Завещанию, патриарх молил «начальствующих» — царевну Софью Алексеевну и боярина кн. В. В. Голицына — «еже бы еретикам, иноверцам над христианами в полках начальниками не быти». Но к мнению патриарха не прислушались. Впоследствии Иоаким будет связывать именно с этим неудачу второго Крымского похода.¹⁹

К 1688 г. как во внешней, так и во внутренней политике правительства регентства стала проявляться тенденция к необоснованным проектам, иногда напрямую граничившая с авантюризмом. Особенно ярко это сказалось в деле архимандрита афонского Павловского монастыря Исая. Исая прибыл в Москву в сентябре 1688 г. с посланиями «прежде бывшего» константинопольского патриарха Дионисия, сербского нареченного патриарха Арсения Черноевича и валахского господаря Щербана Кантакузена, однако тут же объявил себя заодно и представителем «нынешнего» константинопольского патриарха Иакова.²⁰ Последнее особенно заинтересовало ближайшее окружение царевны Софьи Алексеевны, вынашивавшей смелые династические планы и мечтавшей заручиться поддержкой вселенских патриархов в их осуществлении.

Об этой стороне миссии Исая стало известно три года спустя, когда неожиданный оборот событий вновь привел его в Москву. Возвращавшийся в первый раз из России с богатой «милостыней» и царскими грамотами, Исая столкнулся осенью 1689 г. в австрийских владениях с изгнанными из Москвы иезуитами Иржи Давидом и Товием Тихановским, опознавшими его. Так афонский архимандрит попал в венскую тюрьму где и находился два года, пока его не выкупил возвращавшийся из Венеции в Москву Иоанникий Лихуд. В качестве благодарности за счастливое избавление, Исая поведаль в Посольском приказе о тайном поручении, которое было ему дано в первый раз.²¹

Согласно показаниям афонского архимандрита, в феврале 1689 г., накануне отезда, его призвал к себе князь В. В. Голицын. Прежде всего, Голицын, справился, был ли Исая на прощальной аудиенции у Иоакима. Узнав, что греки «еще не простились» с патриархом, Голицын наказал, чтобы Исая вновь пришел к нему после «отпуска» у патриарха. «...И потом да паки прииди ко мне, и мы тебя отпустим, и поедешь с миром в путь свой, и есть некоторые дело государское, которое сделаешь нам у святейших

¹⁶ Москва в 1687 – 1688 гг. Письма Христофора Кохена // Русская старина. 1878. Т. XXIII. № 1. С. 122.

¹⁷ Gordon P. Tagebuch des General Patrick Gordon. Bd. II. Leipzig, 1861. S. 233 – 234 (2. X. 1688).

¹⁸ Москва в 1687 – 1688. С. 125.

¹⁹ Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима (ОЛДП. Вып. XLVII). СПб., 1897. С. 131 – 132.

²⁰ Тексты грамоты опубликованы: Каптерев Н. Ф. Приезд в Москву Павловского афонского монастыря архимандрита Исая в 1688 году с грамотами от прежде бывшего Константинопольского патриарха Дионисия, сербского патриарха Арсения и валахского господаря Щербана с просьбою, чтобы государи освободили их от турецкого ига // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Кн. III. М., 1889. С. 272 – 275.

²¹ Там же. С. 302 – 305.

патриархов вселенских», — сказал напоследок «канцлер предпетровской поры». Лукавый грек тотчас слово в слово доложил о голицинском поручении Иоакиму. Патриарх оказался странным образом осведомленным о намерениях Голицына. «И он святейший патриарх почал говорить мне, что я-де это дело знаю, которое дело просит и ищет князь Василий Васильевич от тех вселенских святейших патриархов: чтобы святейшие вселенские патриархи послали такую грамоту благословенную, чтобы могла государыня царевна Софья царскую корону носить и вкупе с великими государями во всяком правиле ей поминаться», — показывал впоследствии Исая. Иоаким стал доказывать Исаяе, «что не по правилам Святых Апостол и Святых Отец, чтобы при живых двух царях и третью особу женского пола на царство короновать». Наконец он заставил Исаяю поклясться перед иконами в том, что он не исполнит предназначенного ему поручения, и отпустил его к В. В. Голицыну. Осторожный Голицын вновь не сказал архимандриту ничего определенного, но кроме того, что «в Севске Леонтий Романович [Неплюев] о том деле... изывет и скажет, что за дело». Исаяя обещал выполнить поручение, если оно будет в его силах. Впоследствии он объяснял свой ответ тем, что не мог поступить иначе, храня «патриаршу тайну в сердце своем». Однако есть все основания для того, чтобы не поверить ему. Еще Н. Ф. Каптерев указал на отправленное Исаяей с дороги письмо кн. В. В. Голицыну, в котором тот уверяет его в успехе дела.²²

В Севске Л. Р. Неплюев, действуя от имени царевны Софьи Алексеевны и кн. В. В. Голицына, прямо поставил вопрос о венчании регентши на царство и упоминании ее имени в церковных службах наравне с именами царей. Исаяя пытался было возражать, напоминая, что этот вопрос находится скорее в ведении московского патриарха, но Неплюев резко оборвал его. «И Леонтей де на то слово так ему сказал: что мы от сего нашего патриарха ни благословения, ни клятвы не ищем, плюнь де на него».²³ Дивившийся такому «безстрашию и безбожию», афонский архимандрит все же нашел в себе силы противостоять Неплюеву, навязывавшему ему особого спутника, «который с ним у святейших патриархов будет говорить». Впоследствии Исаяя утверждал, что собирався, добравшись до Константинополя, передать константинопольскому патриарху не голицинское поручение, а «претительное слово» патриарха Иоакима. Как бы то ни было, честолюбивые планы царевны Софьи Алексеевны остались неосуществленными<...>

²² Сомнения историка подтверждает и такой важный штрих, как заступничество за Исаяю, в бытность его в тюрьме, императорского дипломата Андрея Стилло, тайного информатора кн. В.В. Голицына (Махатка О. Взаимоотношения России, Австрии и Польши в связи с антитурецкой войной в 1683 – 1699 гг. Рукопись кандидатской диссертации. Л., 1958. С. 147 – 148). Это свидетельствует о том, что отношение «канцлера предпетровской поры» к Исаяе было куда более доверительным, нежели последний это представил в своих позднейших показаниях. Исаяя впоследствии постарался показать, что им двигало лишь желание не принести «некоего вреда» своей душе. В 1691 г. Иоакима уже не было в живых, а Голицын находился в северной ссылке, так что подтвердить или опровергнуть показания о тайных переговорах было некому.

²³ Эта выходка Л.Р. Неплюева очень характерна. Она косвенно подтверждает сообщение «Жития» патриарха Иоакима о том, что он однажды отказал царевне Софье Алексеевне в благословении (Житие и завещание святейшего патриарха московского Иоакима. С. 63 – 64).

